

“Простой” язык Библии Ф. Скорины и Псалтыри А. Фирсова: реконструкция механизма грамматического подобия

1. Вводные замечания

Парадигма цсл. языка русского извода включала два основных варианта — *стандартный* вариант, определявший максимальную дистанцию между книжным и некнижным языком, и *гибридный* вариант, допускавший наряду с книжными элементами некнижные: “it is probably not a mere conglomerate of heterogeneous elements, but a secondary linguistic system in its own right” (Mathiesen 1984). Prestиж гибридного варианта заключался в том, что традиция его функционирования создавала условия для появления нового «простого» литературного языка, противопоставленного традиционному цсл. языку. На начальном этапе преемственность нового литературного языка по отношению к традиционному обнаруживала себя лишь в переходе книжных и некнижных элементов через функциональный рубеж: если в гибридном варианте цсл. языка языковое сознание актуализировало книжные элементы, то переход к «простому» литературному языку вызывал закономерный перенос актуализации на некнижные элементы. Таким образом, вначале процесс создания новых императивных текстов представлял собою смену акцентов в пределах исходного гибридного варианта цсл. языка, а отнюдь не резкое устранение сложившихся стереотипов, ибо известно, что «форма живет дольше ее концептуального содержания» (Сепир 1993, 99).

Последовательное структурно-функциональное исследование первых опытов «простого» литературного языка позволило установить принципиально разные типы гибридности, демонстрировавшие разные наборы книжных элементов, являвшихся результатом разных механизмов порождения текстов на «простом» литературном языке (Запольская 1996). Изменения в объеме и характере гибридности были обусловлены процессом языкового влияния, т. е. включением в языковую корреляцию «чужого» культурно доминирующего языка: трансляция культурно доминирующего языка явилась результатом культурно-языковой рефлексии и носила принципиально концептуальный характер. Критерий отсутствия — наличия дополнительного языкового включения и характер самого включения позволяют выделить на структурном уровне три типа гибридности: *интерлингвальный* тип, *транслингвальный* тип и *интерлингвальный* тип.

Диагностической зоной, релевантной для дифференциации гибридных вариантов, явилась зона корреляции языковых элементов на уровне грамматических категорий (далее ГК), в которой наблюдался устойчивый тип отношений, представлявших отказ или принятие «чужого» авторитетного литературного языка. В языковых условиях Юго-Западной Руси (далее ЮЗР) и Московской Руси (далее МР) XVII в. диагностическая структурная зона включала глаголо-образующие ГК лица/рода и имя-образующую ГК одушевленности/неодушевленности, определявшие дистанцию между книжным и некнижным полюсом «своего» языка и дистанцию между «своим» и «чужим» литературным языком.

Так, центральный для русского языкового контекста XVII в. *интралингвальный* тип гибридности являл собой результат внутренней креолизации «своих» языковых элементов с присущей им исходной грамматической семантикой (примером данного типа гибридности может быть «простой» язык, представленный в житиях Аввакума и Епифания). *Транслингвальный* и *интерлингвальный* типы гибридности, занимавшие принципиально периферийное положение, возникали в результате внешней креолизации, поскольку синтезировали книжные и некнижные элементы, мотивированные авторитетными славянскими языками. Различие между транслингвальным и интерлингвальным типами гибридности заключалось в отсутствии — наличии «чужих» языковых элементов в текстах на «простом» языке. Интерлингвальный тип гибридности был основан на комбинации «своих» и «чужих» книжных и некнижных элементов, что приводило к формально-семантической трансляции «чужого» языка (примером такой языковой данности может служить «общеславянский» литературный язык, представленный в грамматических сочинениях Ю. Крижанича) (Запольская 1998). В свою очередь, транслингвальный тип гибридности был основан на комбинации «своих» книжных и некнижных элементов, терявших в процессе креолизации «свою» и передававших «чужую» грамматическую семантику, демонстрируя тем самым эффект семантической трансляции авторитетного языка. Примером транслингвального типа гибридности можно считать *русский язык* Библии Ф. Скорины (далее БС) и "*простой, швыклон словенской язык*" Псалтыри А. Фирсова (далее ПсФ), являющиеся предметом исследования в настоящей статье.

2. Структурно-функциональный статус языка Библии Ф. Скорины

2.1 «**БИБЛИЯ РУСКА**» представляет собой совокупность изданий, вышедших «Повѣщеніемъ Працею ИВыкладомъ Изрѣанного Мѡжа в лѣкарѣхъ набохъ Доктора Франциска, Скоринина сына Сположа. Устаром Месте Праѣкомъ» между 6.8.1517 г. и 15.12.1519 г.: «Уалтырь» (далее Пс), «Книга Иѡва» (далее КИ), «Притчи Саломона», «Книга Исуса Сирахова», «Блеснаѣгость», «Песнь песнмалъ», «Премѣдрость Бо-

жила», «Книги Царствъ» (далее КЦ), «Книги Исуса Навина», «Изданъ», «Книги Судей» (далее КС), «Книги выгъа» (далее Б), «Исходъ», «Левитъ» (далее Л), «Числа», «Второй законъ», «Рѣчь» (далее Р), «Бсѣерьъ» (далее Е), «Плачь Бремийгъ», «Книги Даниила пророка» (далее КД) (Библія 1990–1991).

Феномен БС заключается в том, что она имеет неопределенный языковой статус, поскольку входящая в ее состав Псалтырь написана, по заявлению самого Ф. Скорины, словенскимъ языкомъ, а все остальные книги написаны рѣскимъ языкомъ. Исследователи радикально расходятся в понимании рѣского языка БС, считая его либо цсл. языком (Соболевский 1980, Флоровский 1940–1946), либо старобелорусским языком (Владимиров 1888, Карский 1903, Ломтев 1945), либо гибридным языком, полагая, что Ф. Скорина, «сохранив цсл. базу текста, подновил ее живой, народной в основе своей, белорусской речью» (Толстой 1988, 59, также: Живов 1988). Такое же несоответствие мнений наблюдается и при установлении источников БС: в гипотетический состав источников включают чешские Библии (либо печатную Библию 1506 г., либо рукописные Библии), цсл. Геннадиевскую Библию, Вульгату, неизвестную польскую Библию (Владимиров 1888, Флоровский 1940–1946, Соболевский 1888, Копреева 1979).

2.2 Обращение к диагностическим признакам позволяет выявить зависимость рѣского языка БС от чешского литературного языка XV–XVI вв. (Платонова 1992, Кузьминова 1992).

Так, в глагольном ряду, включавшем формы прошедшего времени, центральное положение занимали аналитические формы «перфекта», имевшие непосредственную формально-семантическую «поддержку» в чешском литературном языке: (Gebauer 1958–1963, Селицев 1941).

чешский язык		рѣскимъ языкъ БС	
ед.	мн.	ед.	мн.
1. -1 + jsem	-1 + jsme	-л + есмъ, есми	-л + есмо
2. -1 + jsi	-1 + jste	-л + еси, есь	-л + есте
3. -1 ± jest	-1 ± jsu	-л ± естъ	-л ± сътъ

(Примечание: формы дв. числа окказиональны)

ГП 1 ед.: (1) *Ср/д/це кѣшницн потешкалъ ѣсмъ* (potešoval jsem) И, 68; (2) *Вышла ѣсми* (vyšla jsme) *Щеле полна*. Р, 6.

ГП 2 ед.: *Иже предалъ ѣси* (dals) *насъ врѣце врагокъ нашихъ нелю- тостивыхъ ѣзакоу престѣпниковъ*. КД, 23.

ГП 3 ед.: И поставилъ (postavil) и напоил Дурамъ востране Вави-
; лонстенъ И такъ послалъ ѣсть (poslal jest) Навъхрдносортъ Царь созвати.
Князѣи Вел"можь Судей ... КД, 19.

ГП 1 мн.: И несть ѹ настъ часовъ спухъ ... давы ѣсмо могли (mohli
jste) знанѣти милость твою. КД, 24.

ГП 3 мн.: (1) Иходили сѣть (hodili jsu) посрѣди пламени хвалаше во-
га. КД, 23; (2) Тыи пакъ понали (rojali) собе жены Моавланѣи. Р, 4.

Наряду с вѣдущими аналитическими формами в роли допустимых
вариантов употреблялись синтетические формы аориста и имперфекта,
в основном в ГП 1 и 3 ед./мн.:

ГП 1 ед.: (1) Съ ѹчинихъ товѣ пословѣси твоёму, Идалъ ѣсми товѣ
серце мудро иразумно. КЦ, 255. / Но игыѣ речи ихъ же ѣси непросилъ дахъ
товѣ. КЦ, 255; (2) И поставилъ ѣсмь Храмъ имени г/с/да вога Израилена.
КЦ, 285. / многыиъ волеѣ Храмъ сей ѣго же поставихъ имени твоёму.
КЦ, 286.

ГП 3 ед.: (1) Сня внигда ѹслышалъ ѣсть Царь Вааса, престалъ ста-
вити Рамы КЦ, 326. Сня внигда ѹслышалъ пророкъ той старый ... и рече.
КЦ, 317. / И внигда ѹслыша Царь Бровоамъ слова мѹжа вожиа глаголю-
щего натревникъ той ... рече. КЦ, 314; (2) ИЦар/с/твокаль ѣст Гософатъ
сынъ ѣго понѣмъ. ИЦар/с/твокаль самъ вместо ѣго. / ИЦар/с/твока
д"ве летѣ. КЦ, 326-327; (3) И стоѣалъ ѣсть ѡселъ подѣ телеси мер"тваго
Илевъ стоѣаше посполу снимъ. КЦ, 317; (4) [Вен"гаверъ] ... владелъ всею
страною Аръгов"скою / Авнидавъ сынъ Ад"донн владѣше въмананѣе.
КЦ, 259.

ГП 3 мн. (1) Иниже согрешили сѣть. КЦ, 330. / Ониже съгрѣшиша
предъ тобою. КЦ, 289; (2) Ирекли сѣть кнему. КЦ, 351. / Ѣвещашаже вси
люднѣ ирекоша. КЦ, 339; (3) И послали Кобзавели глаголюще... КЦ, 354. /
Послаша понего ипозваша и. КЦ, 311 (4) и два Львовѣ стоѣали ѹкаждоѣ
рѹки. КЦ, 300. / Ониже столхѹ предъ Царемъ. КЦ, 258.

Использование форм аориста и имперфекта могло имѣть стерео-
скопическую мотивацию, поскольку могло быть и данью цсл. традиции,
и в то же время могло имѣть непосредственную или опосредованную
«поддержку» чешского литературного языка.

Зависимость от цсл. традиции имѣла прежде всего текстуальный
характер, поскольку обнаруживала себя в параллельных чтенiях,

«заданных» в языковом сознании текстом Псалтыри, словенский статус которой Ф. Скорина сознательно не менял.

Ср.: *Съгрѣшихомъ собѣци на́шими, безаконовахомъ ѿнеобравдѣхомъ.* Пс., 188. ⇒ ⇒ *Согрѣшихомъ ѿбезаконовахомъ ѿнеобравдѣхомъ* са. КЦ, 289; *Согрѣшихомъво ѿбеззаконѣ чинихомъ.* КД, 23.

Разрешение на употребление аориста и имперфекта, идущее от цсл. Псалтыри, могло подтверждаться состоянием чешского литературного языка, который потенциально допускал свободную вариацию аналитических и синтетических форм. Существенно лишь то, что степень использования синтетических форм была различна, о чем свидетельствуют разные редакции чешских Библий:

Оломоуцкая Библия 1417 г. ⇒ Библия 1506 г.

[Dvě ženě] tím činem se sváriešta (krykowały) před králem. . A když přinesechu (przinesli) meč před krále, i vecě (rzekl) král: "Rozdělte dítě živě ve dvě cesti, dajtež polovici jedné a polovici druhé. Tehdy vecě (odpowiedziela) ta žena, jejíž syn bieše (byl) živ, k královi, neb sú se zarmútila třěva jejie nad jejím synem: "Proši toho, pane, dajte jie dítě živé a nerod'te jeho zabijěti". Proti tomu druhá vecě (odpowiedziela): "Ani tobě ani mně bud', ale nechat' je rozděle". K tomu odpověď (wydal saud a rzekl) a řka: "Dajte této dítě živé a nezabijějte jeho, neboť ona jest máč jeho". 151b (Staročeska Bible 1988, Biblij Česka 1506).

Помимо указанных регулярных вариантных форм в контексте прямой речи встречались формы типа *пришлахъ*, традиционно интерпретируемые как формы с нарушением грамматической семантики, т.е. как гиперкорректные образования.

Ср.: *Негда рано кстала ѿхотѣлахъ накорѣити сына моего видѣхъ ѿго мертва. Нанегоже виегда пиѣне погледѣла ѿми вдень ѿсныи позналахъ* ѿже неѣсть мой ѿгоже родихъ. КЦ, 256-257.

Однако именно эти формы являются наиболее показательными для подтверждения идеи о регулирующем участии западнославянской языковой стихии в языке БС, поскольку эти формы калькируют диалектные формы типа *gobilach*, которые могли окказионально употребляться в литературном языке.

Реальные же нарушения грамматической семантики, а именно, аграмматизм, затрагивали формы, находившиеся в ГП 3 мн., которые представляли или смешение формантов аориста и имперфекта 3 мн., или смешение формантов аориста 3 мн. и имперфекта 3 ед:

ГП 3 мн.: (1) *Онѣже потомъ смелость възвухъ глаголати кнемъ.* Б, 167.
(2) *Тогда возкоіашесѣ ѿкъсташа вси вирѣѣюще.* КЦ, 246.

Однако данный аграмматизм также мог быть «спровоцирован» чешским литературным языком, поскольку именно в ГП 3 мн. имело место обобщение формантов аориста и имперфекта, что усложняло ситуацию выбора. Характерно и то, что регулярное смешение формантов *-ша/-ше* происходило при наличии аффикса *са*, т.е. *а→е* перед *t'*, что отвечало фонетическому закону чешского языка: Ф.Скорина мог распространить этот закон на искусственную форму.

Именной ряд, как и глагольные, демонстрировал не только формальную, но и семантическую зависимость от чешского литературного языка, что проявилось в объеме реализации ГК одушевленности//неодушевленности. В языке БС, как и в чешском литературном языке, ГК одушевленности//неодушевленности имела максимальный объем реализации, получая формальное выражение в ГП В., Р., Д. ед., И., В. мн. (последняя позиция давала нерегулярную реализацию). Семантическая трансляция, обнаруживающая себя в ГП Р., Д. ед. и И. мн., приводила к тому, что исходные формы-корреляты меняли отношения свободной вариативности на отношения дополнительной дистрибуции:

чешский лит. язык	→	русский язык БС
	ГП	
	Р. ед.	
формы на <i>-а</i> // на <i>-а, -и</i>		формы на <i>-а</i> // на <i>-а, -ү</i>
	ГП	
	Д. ед.	
формы на <i>-овi, -и</i> // на <i>-и</i>		формы на <i>-ови, -ү</i> // на <i>-ү</i>
	ГП	
	И. мн.	
формы на <i>-i, {-ové}</i> // на <i>-у</i>		формы на <i>-и, {-ové}</i> // на <i>-ы</i>

ГП Р. ед.: (КЦ) сына (syna) 136, врата (bratra) 143, бога (boha) 157, // храмү (chrámu) 254, страхү (strahu) 209, бокү (boku) 256, хлеба (chleba) 144.

ГП Д. ед.: (КЦ) Давыдови (Davidovi) 140, Саломонови (Šalomúnovi) 254, сынү (synu) 140, // домү (domu) 152.

ГП И. мн.: (КЦ) орли (orli) 134, пси (psi) 320, сыновѣ (synové) 15, предковѣ (předkové) 332, воловѣ (volové) 278, // дары (dary) 29, сосүды (sosudy) 379, хлебы (chleby) 91.

Отступления от чешской модели реализации ГК одушевленности//неодушевленности либо имели текстуальную мотивацию и наблюдались в чтениях, известных по цсл. Псалтыри (1), либо являли собой примеры морфологической персонификации (2):

ГП И. мн.: (1) [Хвалѣте г/с/да] горы ѡвсей хѡлми. ПС, 255. →
Блѣвите горы ѡхолми г/с/да. КД, 27. (2) земля потрясеса ѡнебеса, ѡблаци
(oblakové) спүстиша дожждь. КС, 23.

Выявленный в структурных диагностических рядах состав форм и их семантика позволяют определить русский язык БС на структурном уровне как *трансгибридный вариант* литературного языка, т.е. как вариант транслингвального типа гибридности.

2.3 Однако установленные структурные особенности русского языка БС требуют функционального объяснения, т.е. необходим переход от понимания того, как Ф. Скорина использовал язык, к пониманию того, чем была мотивирована его языковая деятельность.

Формально-семантическая «производность» русского языка БС от чешского литературного языка дает возможность представить механизм порождения *ново выложенных на русский язык* библейских книг как *механизм грамматического подобия*, предполагавший репрезентативность форм, демонстрировавших сходство с формами избранного языка-образца: если чешский язык «поддерживал» исходную не книжную форму, то она становилась единственным нормативным элементом, если же чешский язык «поддерживал» исходную книжную форму, то ей отдавалось оправданное предпочтение, что приводило к вынужденному синтезу не книжных и книжных форм.

Ориентация на чешский литературный язык, имевший несомненный не книжный субстрат, позволяет утверждать, что Ф. Скорина мыслил свой русский язык как равнофункциональный чешскому литературному языку, т.е. как *простой* литературный язык. Доказательством этой мысли служат также предисловия и послесловия к *ново выложенным* библейским книгам, которые содержат обоснования мотивов и условий использования русского языка в Св. Писании. Так, основной причиной, побудившей Ф. Скорину перевести Библию на русский язык, являлась достигаемая этим понятность библейских текстов, позволявшая сделать доступным как религиозное знание, так и знание вообще, знание как принцип, обеспечивавший духовное и интеллектуальное общение: «*Понеже не толико Докторомъ а людѣи вченые в нихъ разумеють. Но всякий человекъ простой и несполитый чѣтучи и/х/ или слухаючи можетъ поразумети что есть потребно к душному спасению его ... Тѣ Назчение седми наѣкъ вызволенныхъ достаточное*» (Б, 3-5). При этом, утверждая, что «*в библии руска выложена во гъ кочти ѡ людѣмъ посполитымъ к добромъ наѣчению*» (Б, 1), Ф. Скорина непосредственно следовал за чешскими реформаторами, переводившими библейские тексты на чешский язык «к похвале божией и к благу верных чехов и мораван» (Мыльников 1990, 258). Равным образом гуманистический тезис о том, что «истина и добро тем похвальнее, чем шире они распространены», делает понятным и представления Ф. Скорины о своей переводческой деятельности

как о личной просветительской миссии. Настойчиво подчеркивая, что «**имы братиѣ неможем**» ли воелики/х/ послужити посполитому люду рѣскаго ѣзыка снє малыѣ книжки пращи нашеє приносимо имъ » (Л, 4-5), Ф. Скорина словно продолжал просветительский диалог с миром, начатый еще Л.-Б. Альберти, заявлявшим: «и не похвалит ли меня, скорее, человек благоразумный за то, что, пользуясь языком понятным, я больше стараюсь помочь многим, чем нравиться немногим» (Альберти 1937, 172). Считая принципиально возможным перевод Библии на рѣсский ѣзыкъ, Ф. Скорина руководствовался идеей «преемственности» литературных языков, позволявшей включить и рѣсский ѣзыкъ в духовную генеалогию литературных языков: «**Ѡбѣдоснѣ же Ѹчитель великий Греческаго Ѡзыка Выложилъ сѸхлъдѣйскаго писма нагреческоѣ. И светый Бронимъ налатинскоѣ зѸполне ... Ѡзь теже недо-стоинный последовникъ н/х/ нароченый в рѣскомъ ѣзыку спомощию воинѣю ... выложихъ ... на рѣский ѣзыкъ зѸполие**» (КД, 8). Точное следование главенствующей идее «преемственности» всех *простых* литературных языков по отношению к «классическим» и в то же время понимание «уподобления» как органического усвоения реального текста-источника и реального языка-источника объясняют отсутствие вербально выраженного указания на чешскую Библию и чешский литературный язык. Аналогичное отношение к «простым» и «классическим» языкам наблюдалось и в польской традиции, например, Библия 1561 г., фактически переведенная с чешской Библии 1506г., декларировалась как перевод с латыни: «*Biblia ná Polski język według Łacińskiej Bibliey powowyożona*» (Карский 1896, 34).

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что Ф. Скорина, получивший образование в Кракове и в Падуе и создававший библейский свод в Праге, безусловно воспринимал свой рѣсский ѣзыкъ в координатах Pax Latina, т.е. как один из «простых» славянских литературных языков, функционально равный чешскому литературному языку, образцовому литературному языку Slavia Latina, обретшему свое достоинство в функциональной оппозиции к латыни. Однако, обращая свой литературно-языковой труд «людемъ посполитымъ рѣскаго ѣзыка», Ф. Скорина естественно сохранял языковую память Slavia Orthodoxa, воспринимая словенский ѣзыкъ как общее языковое прошлое славян, реально явленное в текстах, известных «людемъ в рѣскомъ ѣзыку нароченымъ». Рассматривая словенский ѣзыкъ и рѣсский ѣзыкъ более в хронологической оппозиции, чем в функциональной, Ф. Скорина проводил историческую аналогию между отношениями словенского ѣзыка и рѣскаго ѣзыка и отношениями халденского ѣзыка и еврейского ѣзыка. Псалтырь в БС была «**тиснѸта**» рѣскими словами ѣсловенскы/м/ ѣзыкамъ» (Пс, 6), подобно тому как Книга пророка Даниила была написана «**ВоѸдѣн Халдейскимъ ѣзыкамъ**» Еврейскими словами (КД, 7), еврейский ѣзыкъ он же пододеитъ

есть. Кохал "дейскому понеже Еврей вышли сугь ѿ хал"ден» (Е,3). Именно осознание словенского языка как в большей степени своего прошлого и позволило Ф. Скорине объединить в Библии «нерушаючи ни вчёмъже» цсл. Псалтырь, явившуюся результатом действия традиционного механизма репродукции, и «ново выложеные на рускии языкъ» остальные библейские книги, порожденные посредством нового механизма грамматического подобия.

Сознательная языковая дифференциация в БС позволяет выделить два основных источника — цсл. Псалтырь и чешскую Библию, однако не традиционно называемую печатную Библию 1506 г., которая отнюдь не всегда дает текстуальные совпадения с БС и которая лишена маркированных форм, а вероятно другую чешскую Библию, чей поиск следует вести, привлекая рукописное наследие.

Итак, принадлежа одновременно Slavia Orthodoxa и Slavia Latina, Ф. Скорина обладал своеобразным «панорамным» мышлением, позволившим ему соединить славянские традиции и инновации.

2.4. Восприятие русского языка БС и отношение к нему читателей Библии зависело от того, к какому культурно-языковому ареалу они относились и какие языковые принципы они разделяли.

В культурно-языковом контексте Pax Latina русский язык БС воспринимался и признавался как один из «простых» литературных языков, достигший достоинства, воплотившись в библейских текстах. Так, профессор Падуанского университета Тезей А. Альбонези издал в 1539 г. «Введение в язык халдейский, сирийский, армянский и десятки языков других», где в качестве примера русского языка поместил цитату из 2 Книги Царств БС. Опосредованное участие БС в языковой полемике в координатах собственно Slavia Latina могло наблюдаться также в 30–40 гг. XVI в., когда обострились споры о возможности перевода Св. Писания с латыни на польский язык. В этот период появились библейские тексты на «простом» польском языке, в предисловиях к которым содержались языковые установки, вербально совпадавшие с языковыми установками Ф. Скорины: так, в 1539 г. была издана Псалтырь (Żoltarz Dawidów Walentego Wróbla), в предисловии к которому указывалось, что польский перевод служил "pospolitemu człowiekowi naszego języka" (Klemensiewicz 1981, 229).

Поскольку БС была первой печатной «русской» Библией, широкое распространение она получила в ЮЗР, где была представлена как в монастырских библиотеках, так и в частных книжных собраниях, владельцы которых принадлежали к разным конфессиям. Актуализация в ЮЗР функциональной оппозиции цсл. и «русского» литературного языка, калькирующей оппозицию латыни и польского языка, мотивировала принципиально разное восприятие БС.

Так, православные приверженцы цсл. традиции, оценивавшие свою языковую ситуацию в координатах Slavia Orthodoxa, принимали

отдельные книги БС, но не принимали языка: считая рѣскни и словенскни синонимами, они полагали, что рѣскни тазыкъ БС несколько испорчен некнижным языком. К числу таких языковых традиционалистов принадлежал, например, некто Василий Жугаев из Ярославля Галицкого, составивший в 1568 г. рукописный библейский сборник, в который включил некоторые книги из БС с предисловиями и послесловиями к ним, заменив при этом имя Ф. Скорины своим: «прѣтожь ѿ васнннн жжгае/в/ снѣ зѣ гарославля в лѣкарскы/х/ наука/х/ докторь ... каза/л/ есмн списати книгоу стго ішва ржскы/м/ тазыко/м/ вогу къ чти и людем посполнтгы къ наученню». Однако в языковом плане рукописный сборник оказался противопоставлен изданиям Ф. Скорины, так как В. Жугаев провел определенную «окнижняющую правку», пытаясь вернуть БС к исконной цсл. традиции: поминѣла есмн → поминѣхъ, видѣли есте → видѣсте, поживалъ → пожива (Анічэнка 1966).

Книжники, принадлежавшие к разным конфессиям, но оценивавшие свою языковую ситуацию сквозь призму *Slavia Latina*, воспринимали рѣскни тазыкъ БС как «простой» литературный язык и противопоставляли его в своем культурно-языковом контексте уже цсл. языку. Легализация «простого» литературного языка привела к появлению библейских текстов, функционально тождественных БС и обнаруживавших явную зависимость в выражении языковой установки: так, православное Пересопницкое евангелие 1556-1561 г. было переведено «На мову рѣускоюю... для лепшо/го/ вырозумленн людоу хр/с/тіанскогѣ посполнтго», арианский Катехизис С. Будного 1562 г. был издан «для простыхъ людеи тазыка рѣуского», а социнианское евангелие В. Тяпинского 1570 г. было издано параллельно на цсл. языке и на «простой мове» «для лепшого разуму» (Martel 1938). Следуя общим языковым установкам, авторы текстов на «простом» языке могли реализовать тот же механизм подобию, но только применяли его к польскому языку как к языку-образцу, чем и объясняется различие манифестаций «простого» языка. Так, например, Пересопницкое евангелие (Огіенко 1930), переведенное, согласно предисловию «нзъ тазыка влѣгарскагѣ на мову рѣускоюю», обнаруживает тем не менее польское языковое влияние, проявившееся, в частности, в трансляции ГК одушевленности/неодушевленности, внутри которой наметилась тенденция к выделению ГК лица (в ГП В. мн.) (Klemensiewicz 1981):

ГП И. мн.: [формы на -и, -ове // на -ы] аггли 18, воини 31, воинкое 75, оученици 36, пси б1 // вълосы 72, жквоты 75.

ГП В. мн.: [формы на -ов, -ы // на -ы] оучиники 36, оучениковъ 45, чл/в/кы 34, // плоды 41, дары 41, помыслы 36, грѣхы 35.

3. Структурно-функциональный статус языка Псалтыри А. Фирсова

3.1 МР XVI–XVII вв., сохранявшая и защищавшая устойчивость и чистоту православной веры и цсл. языковой традиции, принципиально не принимала западнорусские тексты на «простом» языке, в том числе Библию Ф. Скорины, видя в них еретическое начало (Флоровский 1969). Окказиональное прсникновение в МР текстов на «простом» языке стало возможным только с середины XVII в., когда наблюдалось культурно-языковое влияние ЮЗР на МР. Пожалуй лишь один конфессиональный текст на «простом» языке был создан в XVII в. в самой Москве: в 1683 г. появилась Псалтырь (Псалтырь 1989), в предисловии к которой утверждалось, что: «*преведена сія свѣтая вѣдохновенная книга ѷсалтѣрь, на нашъ простон, шбыклон словенскои мѣзыкѣ*» (ПсФ, 23). Данная попытка перевода в МР текста Священного Писания на язык, отличный от стандартного цсл. языка, была осуществлена «*трьды же и снисканіем Авраамія Панкратіева сїа Фирсова*» (ПсФ, 23). Отсутствие достоверных биографических сведений о А.Фирсове и следовательно, о его языковой компетенции существенно осложняет решение вопроса о статусе «простого» языка переведенной им Псалтыри.

Исследователи ПсФ значительно расходятся в интерпретации функциональных параметров «простого» языка, характеризуя его либо как «народный русский язык», не дистанцированный от разговорного языка, либо как новый литературный язык, либо как упрощенный вариант традиционного цсл. языка, перешедший из сферы светских текстов в сферу конфессиональных текстов (Целунова 1985), либо как гибридный цсл., книжный характер которого основан лишь на отдельных признаках книжности (Успенский 1994, 94). Некоторое единство мнений наблюдается лишь при характеристике структурных показателей языка ПсФ, поскольку проведенные исследования продемонстрировали ориентацию «простого словенского языка» на польский литературный язык XVI–XVII вв. (Целунова 1985, 8). Выявленное польское влияние позволило отказаться от первоначальной идеи перевода ПсФ с немецкого языка и мотивировало формирование гипотетического корпуса польских источников, в который включаются четыре Библии: Брестская (Радзивилловская) Библия 1563 г., Библия Симона Будного 1572 г., Краковская Библия Якуба Вуйка 1599 г., Гданьская Библия 1632 г.

При наличии разных точек зрения представляется необходимым применение интегрального структурно-функционального подхода, который позволяет внести некоторые коррективы в существующие представления о языке и источниках ПсФ.

3.2 Обращение к диагностическим рядам структурной зоны дает возможность не просто выявить некоторую формальную ориентацию языка ПсФ на польский язык, а установить наличие императивного участия польского литературного языка XVI–XVII вв. в «простом» языке ПсФ.

Проведенный традиционный статистический анализ глагольного ряда, включающего формы прошедшего времени, продемонстрировал

лишь количественный состав форм без учета их отношений: указывалось, что «71,5 форм прошедшего времени представлены образованиями на -Л (нормативный характер которых следует объяснять характером ориентации переводчика на польский язык), перфект со связкой составляет 15,1 форм, аорист — 13,1, а имперфект — 0,3 общего количества форм прошедшего времени» (Целунова 1985, 15).

Структурный анализ, проникающий во внутреннюю организацию элементов в тексте, снимает их вариативность и позволяет увидеть определенную формально-семантическую дистрибуцию.

Так, следует признать, что центральное положение в глагольном ряду занимали не только синтетические, но и аналитические формы перфекта, распределение которых давало возможность адекватно транслировать ГК рода+лица, релевантные для форм прошедшего времени в польском языке.

польский литературный язык		простой язык ПсФ	
ед.	мн.	ед.	мн.
-l ...m	-l ...smu	-l	-l- есмы
-l ...s	-l ... scie	-l еси	-l- есте
-l	-l-	-l	-l-

ГП 1 ед.: *Рассуди же мене гсди, понеже аз ходилъ (chodzil) в невинности мои.* 25:1.

ГП 2 ед.: *Ты оставил еси (tyś odpuszcil) гсди вину грѣхвъ моих.* 31:5.

ГП 3 ед.: *Которон сотворил (stworzyl) небо и землю, море и вся яже в нихъ есть.* 145:6.

ГП 1 мн.: *На рѣкахъ вавлонскихъ тамо сѣдѣли (siedzielismy) есмы и плакали, (plakalismy) воспоминающе си ны.* 136:1

ГП 3 мн.: *Бгда молчал состарѣлися (zastarzaly sie) кости мои с въздыханіемъ моимъ на всякѣи днь.* 31:4.

Находившиеся на периферии эталонного глагольного ряда формы аориста и имперфекта могли служить дополнительным регулятором ГК лица, так как употреблялись в 1 лице и в 3 лице преимущественно ед.ч. и снимали омонимию Л-форм.

ГП 1 ед.: *Обаче чрезъ четьредесятъ лѣтъ имѣл спор, с тѣмъ народомъ и рекъ. 94:10 // рѣхъ, исповѣиъ тебѣ беззаконіе мое гсди.* 31:5.

ГП 3 ед.: *И рекъ, ниѣ позналъ иже та есть штиѣна десницы вышнѣиш, 76:11. // Рече беззѣмень в срѣдцѣ своемъ, иже исть вѣа.* 52:2.

Предполагаемая дополнительная формально-семантическая мотивация употребления аористных и имперфектных форм могла входить в более общую предельно формальную мотивацию.

Так, функционирование книжных форм в конфессиональных текстах на «простом» языке могло объясняться устойчивостью цсл. традиции, продолжавшей реализоваться в строго фиксируемых текстуальных условиях (см. далее о жанровой дифференциации псалмов) или в строго замкнутой книжной лексике (например: единственно возможными являлись формы аориста «смятеся» и «смятошася»).

Разрешение на употребление книжных форм могло быть продиктовано и самой польской языковой традицией, допускавшей в конфессиональных текстах периферийное употребление как собственно архаичных глагольных форм, так и «новых» сн-форм типа *gobilech*, *gobilychmy*.

Подтверждением объемной мотивации служит аналогичное употребление форм аориста и имперфекта на фоне доминирующих форм «аналитического перфекта» в западнорусских псалтырях XVI–XVII вв., переведенных на «просту мову» с польского языка: *He Wtворяя есмн. 8 //wtворях, 41, есми надѣлал. 33// надѣлхл, 31* (Карский 1896).

Формы именного ряда также рассматривались как свободные варианты, нерелевантные для дихотомии книжного и некнижного языков, что предполагало лишь их статистический учет. Так, например, указывалось, что в ГП Им. мн. сущ. м. «с цсл. флексией -И засвидетельствовано 20 имен и 41 имя отмечено с флексией -Ы», кроме того «В=Р одушевленных сущ. отмечен 92 раза, В=И — 110 раз» (Целунова 1985, 11).

Между тем, структурный анализ именного ряда позволил выявить и здесь тенденцию к формально-семантической зависимости «простого» языка ПсФ от польского литературного языка XVI–XVII вв., что проявилось в реализации ГК одушевленности//неодушевленности, осложненной ГК лица. Своеобразная контаминированная категория получала в польском литературном языке формальное выражение у имен м. р. в ГП Им. мн. и В. мн.: в ГП Им. мн. одушевленные сущ., обозначающие лиц, имели формант I или OWIE, сущ., обозначающие животных, еще имели вариативные форманты I, Y, тогда как неодушевленные сущ. обладали формантом Y, в ГП В. мн. одушевленные сущ., обозначающие лиц, имели вариативные форманты I, Y, а все остальные сущ. получали формант Y. Такое же формально-семантическое состояние именных форм представлено и в языке ПсФ, что позволяет говорить об эффекте семантической трансляции:

польский литературный язык

простой язык ПсФ

ГП Им. мн

Формы на i, owie/ i~y//y

Формы на и, оке/ и~ы//ы

ГП В. мн

Формы на *ow-y/y//y*

Формы на *ow-ы/ы//ы*

ГП И. мн.: раби 147, вози об., сноєє 12 // скоты 69, скоти 206, // сұды 28 об., глаголы 18.

ГП В. мн.: враги 14 об., враговъ 11 об., рабы 190, рабовъ 130 об., сыны 186 // скоты, воы 15 об., домаы 90, громы 39 об.

Аналогичная формально-семантическая трансляция контаминированной ГК наблюдалась и в западнорусских псалтырях, переведенных на «простую мову» с польского языка, что также подтверждало существование общих принципов перевода с польского языка на «простые» языки:

ГП И. мн.: аиґли, сноєє/выковє, скоты//островы, сұды

ГП В. мн.: сновъ, сны/козлы//городы (Карский 1896)

Выявленная в глагольных и именных рядах дистрибуция форм и их семантики позволяет отнести язык ПсФ к транслингвальному типу гибридности, т.е. к *трансгибридному* варианту литературного языка.

3.3 Установленные структурные особенности, в свою очередь, дают возможность уточнить функциональный статус «простого» языка ПсФ. Зависимость языка ПсФ от польского литературного языка позволяет реконструировать механизм порождения текста как *механизм грамматического подобия*, предполагающий моделирование «своего» литературного языка по образцу «чужого» авторитетного литературного языка, в роли которого выступил польский язык: если польский язык поддерживал книжную форму, то она становилась нормативным элементом нового литературного языка, если же польский язык поддерживал книжную форму, она продолжала оставаться достоянием и «простого» литературного языка.

Сознательный выбор в качестве языка-посредника польского литературного языка, имевшего книжный субстрат, однозначно определяет приверженность А. Фирсова к книжным формам и позволяет предположить, что А. Фирсов мыслил свой «простой словенский язык» как язык, функционально противопоставленный традиционному «словенскому языку». Подтверждением того, что «простой словенский язык» ПсФ следует рассматривать в рамках оппозиции книжные языки//«простые» языки, являются теоретические положения, представленные А. Фирсовым в «Предисловии к читателю» и в «Объяснении переводчика».

Так, защищая свой перевод на новый литературный язык, А. Фирсов определял дистанцию между «словенским» языком и «простым словенским языком» в категориях недоступности — доступ-

ности и непонятности — понятности. Основной причиной, приведшей А. Фирсова к отказу от традиционного «словенского» языка являлась его непонятность для людей «простых», «неученых», обусловленная зависимостью «словенского» языка от других конфессиональных языков: «... на всякій день читают ея (псалтырь) во цркви бжїи, но разума читаемаго в ней нам вѣдати невозможно... тогда ради, иже в нашей псалтыри много реченїи разныхъ языковъ, нам ихъ невозможно развѣсти, но тѣ токмо вѣдаютъ иже многимъ языкамъ искусни сѣтъ» (ПсФ, 27, 28). В свою очередь, достоинство «простого словенского языка» заключалось в том, что он очищен от влияния традиционных библейских языков «ради истинныя вѣдомости и увѣренїя неразвѣтныхъ и простыхъ людей» (ПсФ, 23): «в сїи книгѣ псаломной истолкованы псалмы на наш простои словенскои языкъ... без всякаго украшенїя, удобнѣшаго ради разума... здѣ нѣсть реченїи греческихъ латинскихъ, сервскихъ, колоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простая свыклая рѣчь, удоборазвѣстелная преложена без украшенїя» (ПсФ, 28).

Разрешающим условием перевода псалтыри на «простой» язык А. Фирсов считал потенциальное функциональное равенство языков, проявляющееся в сосуществовании разноязычных переводов псалтыри: «со многихъ книгъ, разныхъ преводниковъ, со еврейскаго языка, яко сѣтъ с полскаго, латинскаго, немецкаго, и греческаго и иныхъ языковъ преводниковъ снхъ: седмдесяти и двѣ и стаго црковнаго учителя Геронима, Якова Вуйка, Николая Радника и иныхъ преводниковъ» (ПсФ, 28). Упоминание в предисловии имен Якова Вуйка и Николая Радзивила навело исследователей на мысль, что А. Фирсов использовал Библию Вуйка и Радзивилловскую Библию в качестве основных источников. Однако, в соответствии с общепринятой схемой защиты «простых» языков в предисловии отнюдь не предполагалось указание на конкретный текст, послуживший источником перевода, необходима была лишь демонстрация определенной языковой компетентности, доказывающей совершенство самого перевода. Вероятно, источник следует искать среди отдельных изданий псалтыри, начиная с Псалтыри W. Wróbla, обращенной к «pospolitemu czlowieku naszego języka». Жанр предполагаемого источника мотивирован и тем, что из всех библейских книг А. Фирсов перевел именно псалтырь, ибо «сїя свѣтая книга псалтырь во цркви бжїи на всякій день, во весь годъ читаема вываѣтъ... велии пользна и потребна сѣтъ. В ней бѣв истинная вѣдомость и величествѣ прѣстола вжїя» (ПсФ, 26).

Призывая «возлюбленного читателя» читать всю псалтырь «с разумом и неспѣшию, дабы развѣсти глаголемая», А. Фирсов все же акцентировал внимание на «молитвенных» псалмах, имеющих непосредственное отношение к духовной жизни каждого верующего и, следовательно, в первую очередь требующих «простого» языка: «Ты же о любезныи читателю, естли восхощеш по сїи псаломной книгѣ бгѣ молитися, и ты сыскав в ней псалмы молитвенныя, и читан ихъ неспѣшию, с разумом, ни

в чем не сомнялся. *Аще и двѣдовы тѣи ѱалмы молитвенныя, но ты их развѣсти въ себѣ реченная, понеже ты глѣши их въ себѣ»* (ПсФ, 29). Принятая жанровая дифференциация внутрисалтырного текста могла быть причиной языковой дифференциации, объясняющей то, что в ПсФ встречаются псалмы, оставленные без каких-либо изменений в цсл. языке, и псалмы, в которых цсл. язык совсем не ощущается.

Свою переводческую деятельность, направленную на то, чтобы *«Ѡ читанія слова бжїя с развѣдом множилась в члвцѣх вѣра»* (ПсФ, 25), А. Фирсов рассматривал как просветительское служение *«на славу, и честь стѣмъ имени бжїю и всѣмъ людемъ во ѡбщѣю ползу»* (ПсФ, 28).

3.4 Современники А.Фирсова восприняли «простой словенский язык» псалтыри как язык, противопоставленный традиционному «словенскому» языку, и не приняли этот беспрецедентный для МР лингвистический эксперимент, о чем свидетельствует проведенная редакторская работа. В процессе редактирования из предисловия были устранены замечания о функциональном равенстве литературных языков, сняты аргументы, не свойственные текстам православной традиции, и, главное, была проведена «окнижняющая» правка, возвращающая псалтырь к «словенской» языковой традиции:

Аз же ходилъ ⇒ ходилъ во истинности моеи. 23:11

Понеже оцъ мой и мати моя оставили ⇒ остависта мя. 25:10

Умножилъ ⇒ умножшася немощи тѣхъ, которыя идѣт за чюжими богом 15:4

Однако, несмотря на проведенную языковую правку, ПсФ не была признана и напечатана: патриарх Иоаким, непримиримый противник латино-польского влияния, *«указалъ тои книгѣ быти в ризной казѣтѣ а без указу смотрити давать не велено никому»* (ПсФ, 5)

Легализация «простого» языка в XVIII в. мотивировала определенное распространение ПсФ, о чем свидетельствуют списки, в которых специально указывается на «простоту» языка псалтыри: *«Книга глаголемая ѱалтырь на простши языкѣ словѣнскимъ»* (ПсФ, 10), *«ѱалтырь простымъ нарѣчїемъ переведенная и с разныхъ языковъ исправленная»* (ПсФ, 7).

Несмотря на некоторое знакомство с ПсФ, она так и осталась на периферии языкового сознания своей эпохи, поскольку в МР так и не сложились исторические условия для появления конфессиональных текстов, порождающий механизм которых может быть определен как механизм подобия. Возникновение в Петровскую эпоху «простого» литературного языка было уже результатом действия механизма элиминации книжных форм, что давало принципиально другие манифестации «простого» языка; кроме того «простой» литературный язык обслужи-

вал уже культуру секулярного типа, что снимало социальный заказ на конфессиональные канонические тексты на «простом» языке.

4. Заключение

Проведенный структурно-функциональный анализ языка БС и языка ПсФ позволил выявить особый тип гибридности — транслингвальный. Трансгибридный вариант литературного языка, возникший в результате действия механизма подобия, устанавливающего конгруэнтность «чужих» некнижных и «своих» некнижных и книжных языковых элементов, демонстрировал семантическую трансляцию авторитетного «простого» литературного языка. Осуществляя принципиально новаторский перевод конфессиональных текстов на «простой» литературный язык, противопоставленный традиционному цсл. языку, Ф. Скорина и А. Фирсов следовали общепринятой культурно-языковой концепции, реализовавшейся в пространстве *Slavia Latina*.

Принадлежа «латинскому миру», *Slavia Latina* противопоставляла литературно-языковому монизму *Slavia Orthodoxa* дуализм, основанный на исходной оппозиции «классических» языков, как языков искусственных, рациональных, универсальных, и «простых» языков, как языков природных, иррациональных, дифференцированных. Общеευропейская концепция «облагораживания» «простых» языков, предполагавшая установление функционального тождества между *lingua litterata* и *lingua rustica* и, следовательно, между *homo litteratus* и *homo rusticus*, была мотивирована гуманистическим принципом доступности наук и просвещения и детерминирована распространением реформационного движения, требовавшего понятности Божественного Откровения. Условием возможности достижения «простыми» языками статуса литературных языков являлось понимание «простоты» и «искусственности» как универсальных этапов развития всех языков, что позволяло рассматривать языки в координатах своеобразной «исторической преемственности»: древнееврейский язык → греческий язык → латинский язык → → «простые» языки. Признаком легитимации «простых» литературных языков считалось обретение ими *dignitas*: формальное достоинство утверждалось применением универсальной античной грамматической схемы, а функциональное достоинство выражалось в проникновении в конфессиональную сферу. Способ достижения литературно-языкового достоинства на уровне конкретного текста заключался в следовании общетеоретическому принципу *imitatio*, проявлявшемуся в лингвистическом плане в *уподоблении* моделируемого «своего» литературного языка либо классическому языку, либо обретенному достоинству «простому» языку. «Подражание» существенно отличалось от перевода, поскольку понималось как «органическое усвоение» текста-источника и языка-образца, которые могли в силу этого не легализоваться, что создавало эффект самостоятельного филологического творчества. В этой перспективе каждый опыт «простого» литературного языка являл собою пример максимально осознанной языковой деятельности, выражавшей личное

участие пишущего в общем процессе духовного и светского просвещения (Гуковская 1940).

Являясь своеобразным функциональным репрезентантом культурно-языкового пространства *Slavia Latina*, трансгибридный вариант представлял собой принципиально провизорный вариант «простого» русского литературного языка, предшествовавший появлению стабильного стандартного варианта, ориентированного на самодостаточные не книжные элементы.

Литература

- Альберти 1937 — *Альберти Л.-Б.* Десять книг о зодчестве. М., 1937.
- Анічанка 1966 — *Анічанка У. В.* Моўныя асаблівасці выданняў Ф. Скорины і рукапісных спісаў В. Жугаева // *Весці АН БССР. Сер. грамэд. навук.* 1966. №1.
- Біблія 1990–1991 — *Біблія: Факс. ўзнаўленне Бібліі, выд. Ф. Скарынаю ў 1517–1519гг. У 3 т.* Минск: 1990–1991.
- Владимиров 1888 — *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888.
- Гуковская 1940 — *Гуковская З. В.* Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения. Л., 1940.
- Живов 1988 — *Живов В. М.* Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // *Актуальные проблемы славянского языкознания.* М., 1988, 49–98.
- Запольская 1996 — *Запольская Н. Н.* Структурно-функциональный статус гибридных вариантов славянских литературных языков // *Научные доклады филологического факультета МГУ.* 1996, 17–35.
- Запольская 1998 — *Запольская Н. Н.* Модели «общеславянского» литературного языка XVII–XIX вв. // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов.* Краков, 1998. М., 1998, 267–289.
- Карский 1896 — *Карский Е. Ф.* Западнорусские переводы Псалтыри в 15–17 веках. Варшава. 1896.
- Карский 1903 — *Карский Е. Ф.* Белорусы. Варшава. 1903. Т. 1.
- Копреева 1979 — *Копреева Т. Н.* Франциск Скорина и русская рукописная традиция 15 в. // *Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве.* М., 1979, 61–70.
- Кузьминова 1992 — *Кузьминова Е. А.* Системно-функциональная реконструкция языка Библии Ф. Скорины (именные формы) // *Дипломная работа. Филолог. ф-т МГУ, 1992, научный руководитель Н. Н. Запольская.*

- Ломтев 1945 — *Ломтев Т. П.* Скорина как основатель белорусского литературного языка // Беларусь. 1945. №3.
- Мыльников 1990 — *Мыльников А. С.* Библия на чешском языке // Франциск Скорина и его время (Энциклопедический справочник). Минск. 1990.
- Огіенко 1930 — *Огіенко І.* Пересолніцка евангеліе 1556–1561 г. Варшава. 1930.
- Платонова 1992 — *Платонова И. В.* Системно-функциональная реконструкция языка Библии Ф. Скорины (глагольные формы) // Дипломная работа. Филолог. ф-т МГУ, 1992, научный руководитель Н. Н. Запольская.
- Псалтырь 1989 — Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Подготовка текста Е. А. Целуновой. München. 1989.
- Селищев 1941 — *Селищев А. М.* Славянское языкознание. Западнославянские языки. М., 1941. Т. 1.
- Сепир 1993 — *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Соболевский 1888 — *Соболевский А. И.* «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык». Рецензия на книгу Владимира П. В. // ЖМНП. 1888. Октябрь, 321–332.
- Соболевский 1980 — *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980.
- Толстой 1988 — *Толстой Н. И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина 16–17 вв.) // Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988, 6–26
- Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). 1994.
- Флоровский 1940–1946 — *Флоровский А. В.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Франциск Скорина и продолжатели его дела) // Sbornik filologicky. Praha. 1940–1946. Sv. 12.
- Флоровский 1969 — *Флоровский А. В.* Франциск Скорина и Москва // ТОДРЛ. М., 1969. Т. 24, 155–158.
- Целунова 1985 — *Целунова Е. А.* Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова (филологическое исследование памятника). АКД. М., 1985.
- Biblij 1506 — Biblij Czeska w Benátkach tisst'ena. 1506
- Gebauer 1958–1963 — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Praha. 1958–1963. D. 1, 3.

- Klemensiewicz 1981 — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 1981.
- Martel 1938 — *Martel A.* La langue polnaise dans les pays ruthenes Ukraine et Russie Blanche 1569–1667. Lille. 1938.
- Mathiesen 1984 — *Mathiesen R.* The Church Slavonic Language Question: An Overview (9-20 Centuries) // Aspects of the Slavic Language Question/ Ed. by R. Picchio and H. Goldblatt. New Haven, 1984. V. 1.
- Staročeska Bible 1988 — Staročeska Bible Drážďanská a Olomouská. Vydal V. Kvas. Praha. 1988.